

Поживём - увидим...

Очередной бой неожиданно стих. Немец, не добившись успеха, выдохся, откатил назад. Наступила тишина. Только дым, послушный ветру, косо тянул на Запад. Пахло гарью. Неужоженная кустистая земля, свежевспаханная не крестьянской сохой, разрывами мин и снарядов замерла, некрасиво зияла воронками, перевёрнутыми чёрными земляными пластами. Местами парила, щедро присыпанная взрывной волной земляной крошкой.

1943-й год. Начало лета.

Неприметная высота, с мало что говорящим топографическим знаком «2245», с бывшим селом, сейчас напрочь разрушенным и раскатанным гусеницами танков, несколько раз с боем переходившим из рук в руки, и на этот раз высота не далась немцам, устало примолкла. Безрадостную картину ландшафта - для нас, по сути, победную - дополняли подбитые дымящиеся немецкие танки, с оторванными башнями, где и разлаписто перевёрнутые. Удивлённо при этом зияли развороченной прямыми попаданиями бронёй, разорванными гусеницами, повисшими стволами башен. Тут и там замерли дымно чадающие немецкие бронетранспортёры. На нашей территории, словно магнитом притянув к себе битую немецкую технику, кривились советские пушки, сплюснутые и вмятые. Возле них валялись не нужные теперь в щепу разломанные пустые снарядные ящики, выглядывали тоже пустые, смятые и полузасыпанные стрелянные снарядные гильзы, и тела убитых. Множество тел. В тёмно-зелёной, немецкой форме заметно больше. Но за пределами передней линии советских окопов, в тылу, их вовсе не было, только горела подбитая немецкая техника.

...Ух, слава Богу, живой кажись, остался... Опять живой! Руки, ноги целы. Только в ушах... Ысс... звон, и... кровь почему-то из носа... А, это, наверное, фриц локтем в драке зацепил... Сволочь! Молодой пацан, ловкий, попался, кулаком меня или локтем ударил... Не помню... Навалился, гад... Я в запале был... ПППШа свой перезарядить не успел, отстегнул только, а тут этот... немец откуда-то вывернулся ... И на меня... только ткнуть его в горло дулом и успел, а он... не прошил очередь почему-то, а в нос мне... падая... кулаком или... не помню. Близко было. Тяжёлый был фриц, молодой, но тяжёлый, как наш Борька дома, кабан, помню... Дом! Борька! эх!... едва сбросил с себя... И стихло вроде. Бой кончился. Фашист выдохся... Сволочь недобитая! Ничего, живы будем - добьём. Добьём-добьём, куда он, сука, денется, дай срок!

Во, опять этот мандраж в руках и коленках появился! Руки трясутся, и пальцы пляшут. Это всегда так, когда после боя. Всегда! Перед боем этого нету, нет. Перед боем суставы почему-то ноют, и душу тянет. Тревожит душу, но не трясёт, а вот потом, да. Мандраж ознобный через руки тряской выходит. Не от страха это, нет. Страх только в начале... Я же знаю, помню... Тряской потом из души выскакивает, потому что... нервы. От злости, конечно, от неё!

Фу-у-ух... Ещё и шея и плечи болят... ноги...

А вокруг тихо... Как в блиндаже... Да это у меня уши заложило... Ысс... Звон только в башке... не проходит, сволочь... и голова болит. Фу-у... Ладно, главное что живой остался. Опять живой... Слава Богу, живой! Маманя, мамка, слышь, родная, батяна, батька, я опять живой! Живой! Да, живой! А ребята... Ребята?! Витёк! «Эй, Витёк!..» Во рту пересохло, голоса нет.

Себя не слышу... «Дядь Валера, старшой... Эй, старшина, где вы? Товарищ младший лейтенант? Я здесь, я живой. Здесь я... Служивые... Эй... Бойцы... Живы? Ребята...» Не отзываются... Тихо... Наверное тоже оглохли... или... Нет-нет, не должно быть... Стреляли же... Рядом были, я же видел, махались... Отдыхают наверное. дух переводят... Как я, наверное... И вправду устал... Сил нет...

Вот суки, как опять вокруг наворочали... Как на бойне... Железо с землёй перемешали... ни травинки... Пушки наши испортили... не восстановить... Как их, бедных изувечили... Но и мы им заделали козу... едва живы остались... Не зря, конечно. Погибать нам нельзя... Мне нельзя. Никому нельзя... особенно мне... Уж третий год как я тут... кувыркаюсь... Уже учёный... Как профессор солдатских наук уже на фронте... Ещё бы!

Всё время вперёд... Ребята, орлы, вперёд, за Родину! За Сталина! Мы и... утюжим фрица... сколько сил есть... когда и... зубами даже... Сколько ребят за это полегло... за Родину... за наших. Эх... А как иначе? Чтоб освободить! Выгнать сволочных подлюг, нечисть эту... Ни шагу назад, приказ! Только вперёд. И ни одного серьёзного ранения у меня, чур-чур! Только контузии, тьфу-тьфу, да медвежья болезнь, от подножной еды, с простудной лихорадкой несколько раз... Но это ерунда, привычное дело. Чёрт, опять табак отсырел... Руки-крюки... Хрен сходу сигарку свернёшь... Мандраж и есть мандраж... Но уже выходит, меньше пальцы трясутся, заканчивается, значит... Теперь огоньку... Нет, без кресало никак... Зажигалки трофейные не пойдут. Без керосина, они - говно, а не зажигалки. Таких трофеев у меня полные карманы ... Сделаны немчурой хорошо, добротнo, с умом, а бензина нет - и - на тебе, пустая вещица, безделушка. Сыну - напотом! - в игрушки и собрал... Пусть потом себе забавляется, после. Зажигалки собрал, кресты немецкие, жетоны, медали... Дожить бы... Эх, бля... Вера, Санька-Санёк-сынок, мамка... Стоп, о доме молчок, чтоб не раскисать, не расслабляться... Раскисать никак нельзя. Как кремень я должен быть, как этот, вот... табачок, например... терпкий и злой... Ф-фух, раскурилась... Ух, как хорошо самосад в душу пошёл... Гха-гхыммм... как скребком по... Гха-гхы-ы-ы... Милое дело табачок... Крепкий, собака... Кха-аа-кхы... Сборный потому что... намешено всякого... что можно было... или газета не та... Газета, наверное...

Ф-ф-ууу, как сегодня сильно устал... ноги, спина, руки... отваливаются... Как миномётную плиту десять километров на горбу протащил. А всего-то, в рукопашную бой закончили... отмахались... пока... И ладно, что пока! Атаку отбили, и живы остались, это главное. А то что устал, всё тело болит и... жрать охота... О, точно, жрать... Когда я в последний раз ел? Позавчера, кажись, или ещё раньше... Кажется раньше, да... Не помню. Но жрать сейчас хочется, даже больше чем спать... Это да-а-а... Эх, сухарика бы... хоть самого крохотного... Очень бы хорошо. В самый раз бы... В животе как мельница куролесит и бурчит... под гимнастёркой даже заметно. Живот танец с голодухи выплясывает... сигнал мне подаёт. Ага, как будто я и без того не знаю... Знаю-знаю... но не замечаю... Живот под мандраж включился... а мог бы и попозже... Ничего-ничего, это пройдёт, если не думать, привычное дело. После такой махаловки всегда жрать хочется, а потом уж и спать. Всегда! А кухня... Хмм, кухня... Когда это теперь наша кухня подъедет... и подъедет ли сегодня... Бабка надвое сказала... Гремело-то как. Передовую немец сначала бомбами утюжил, как и положено, потом и на тылы перекинулся... Как раз к кухне и... прицелился, наверное, к тылам... Хорошо если не попал... Нет, не попал поди... Кухня же маленькая... в масштабе армии и тылов. Да и дед

Веселов там командует. Старшина. Наш главный кашевар, спаситель. Не первый год, кстати, кашеварит. Лёгкие ранения у него, Орден «Славы», как у меня, и «Красной Звезды», и контузии. Потому и немой... Только глазами сверкает. Но это понятно. Это у многих так, и у меня тоже, я знаю, как посмотрю на ту сторону, так и... скулы от злости сводит... Но дед Веселов ушлый мужик, хоть и немой, проворный... Сибиряк он, из-под Урала. Ни разу не подводил, кстати. Бывало и на пузе проползал со своими бачками-кастрюлями на передовую – спасибо ему – под огнём добирался, животы спасал. Щи у него всегда, каша... Умм! Щец бы сейчас, кашки... с мясом бы, с маслицем... Эх! Хорошо бы! Тц! Может, схоронил как-нибудь нашу кухню старшина, ему не впервой, едет к нам где-нибудь. Едет. Конечно, едет. Едет, едет, как же. И время кормёжки уже... давно... Что там на наших серебряных с хвостиком? Полдень? Больше? Хрен его знает... Часы трофейные тоже заглохли. Стрелки под стеклом как былинки на ветру болтаются. Не выдержала немчура встряски, сдох хронометр. Пять патронов только зря за часы выкинул, как в «молоко» попал, променял в смысле... Также сыну, Саньку игрушка... А время... На взгляд вроде не вечер ещё на небе... Солнце... Вона оно где... Заполдень перевалило... Горячее солнышко, яркое... Как дома! Спит... И припекает. И тихо... Ни стрельбы, не выстрела... Перерыв. Только в голове шумит. Но немец утих. Откатился. Юшку наверное с носа сейчас вытирает, падла недобитая. Ничего, добьём тебя. Добьём-добьём, умоешься!

Но тихо. Хорошо, когда тихо, но... Непривычно. К следующей атаке, значит немец готовится. Точно, как пить дать к атаке. Силы, сволочь, накапливает. И мы тоже... должны...

А природа как радуется передышке... ушами не слышно, а глазу видно... Хорошо, что глаза целые и руки... чтобы стрелять, и... остальное... Хорошо! Гля, ветер окончательно солнце прочистил... оно и, радостное, пригревает... Сапоги бы снять... ноги просушить... портянки... Успею, нет? Успею! О, и немецкий штык-нож не потерялся, из-за голенища вывалился... и ложка из другого. Портянки потом постирать бы надо – чёрные, грязные... пока на солнышке пусть посохнут... И ногти на ногах нужно обстричь... вспомнить некогда... В баньку бы надо! Эх, в баньку... Спинку бы потереть, попариться. И стопарик бы потом... нет, два... А можно и три... если с хорошей закуской... А если ещё и с борщом, тогда и... А потом и с жинкой можно... Эх!.. Стоп, об этом не надо... Об этом зарок... А живым ногам на солнышке как приятно, голыми пальцами... шевелить... Живой! Как хорошо что... О! Опять галифе на коленях где-то порвал, и рукав у гимнастёрки «каши» просит... пуговиц половины нету... Снова у связистов придётся проволоку выпрашивать... если на передовой где не подвернётся. Тц! Ладно, проволока не вопрос. Выпрошу или выменяю. Заштопаю. Не впервой.

Хорошо... хорошо, когда бой закончился, а ты снова живой! Живой! Живой!!

Ещё лучше *потом* будет ... Да, точно, потом! Когда до Берлина дойдём, а после и до моря. Освободим эту сонную Европу от немецкой заразы. Освободим! Пусть люди радуются! Всем будет хорошо после нашей победы, сладко. А она, конечно, будет, вот-вот будет, скоро придёт, наступит. Как пить дать придёт... Увидеть бы только... Дожить бы... Эх!.. Дожи-ить бы... Чтоб своими глазами увидеть... хоть глазком... как оно потом... Не сам праздник, это само собой, с ним всё ясно, а потом... после... позже... Когда спокойно заживём, когда страну поднимем, когда детей вырастим, на внуков посмотрим... когда стариками станем, ветеранами. Ха-ха, стариками. Это мы-то – стариками. Я! Колька, Санька, дядь Валера?.. Ну, дядь Валера-то и

сейчас уже похоже старик... лет за сорок наверное, может и около того мужику, а вот мы с Колькой да с Ванькой Масловым, земляками... Стоп, Ванька... Ванька, друг, ау, эй! Он вроде тогда упал... То ли специально, то ли споткнулся... я заметил... Но... потом... потом... Потом не до того было. Только успевай поворачиваться. Вроде не видел я его потом... Может в окопе где отдыхает... Жалко, если убит или ранен. Лучше ранен... Домой хоть какой бы, но только живой... У него же дети... Всё, хватит солнце разглядывать. Всё одно глаза застит. Ребят отыскать надо. Ваньку, Ивана, взводного. Где они?

«Эй, ребята, взводный, дядь Валера. Вы где? Эй... Ребята! Я здесь... сейчас я... Отзовитесь... Эй!..»

А до Победы было не рукой подать. До неё ещё топтать и топтать... биться, отбиваться... терпеть, страдать... друзей терять... жизни свои за Победу на кон ставить...

И ставили... Много жизней... Очень много... И молодых, и не очень, и старых, - разных...

Я не знаю, выжил ли мой герой, безымянный солдат, выстоял ли, уцелел ли... Очень хочется надеяться что - да, очень! Одного мне не хочется - видеть его растерянные, не понимающие, страдающие глаза сегодня. Того бойца, на смерть стоящего за свою Страну. На Смерть! За ту страну, теперь эту - которую мы сегодня знаем. Стыдно и перед теми, не вернувшимися, и перед этими, которые всё это теперь видят... Стыдно!!